

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

НОВЫЙ ВАРИАНТ МИФА О РОЖДЕНИИ И ГИБЕЛИ СОЛНЦА

(Египетское сказание о «небе-свинье»)

I

В Египте, наряду с широко распространенным мифом об Осирисе, олицетворявшем ежегодное увядание и весенний расцвет природы, существовал не менее популярный миф, в котором отразились древнейшие народные воззрения о ежедневной гибели и новом рождении солнца, сына земли и неба. По этим воззрениям мать-небо ежедневно рождает солнце, проходящее от восхода до захода путь человеческой жизни: младенец утром, муж в полдень, старик вечером, оно обновляется каждое утро, рождаясь снова. Этот хорошо известный в мировом фольклоре мотив нашел, между прочим, яркое выражение и в фольклоре славянском.

В египетских мифах солнце, как и Осирис, не погибает, а, свершив свой жизненный путь, вновь попадает в утробу матери-неба и странствует внутри нее до нового восхода. Эта «другая страна, Запад—имя ее»¹, в которую уходит Осирис, иной раз описывается как безрадостная обитель мрака, лишенная воздуха, воды и пищи. Так, в 175-й главе «Книги мертвых» передается следующий диалог, происходящий между Осирисом, жалующимся на свою судьбу, и Атумом:

«О, Атум! Что это значит, что я должен отправляться в пустыню? Она ведь лишена воды, лишена воздуха, очень глубока, совершенно темна и безгранична (?)»

«Ты живешь там в довольстве сердца».

«Однако там нельзя наслаждаться любовью».

«Я даровал блаженство взамен воды, воздуха и любовных наслаждений и довольство сердца взамен хлеба и пива»,—говорит Атум².

Недовольство своей судьбой могущественного владыки подземного царства, держащего на своих плечах землю³, описывается и в другом тексте, посвященном борьбе Гора и Сета за наследие Осириса.

Боги никак не могут рассудить соперников. По предложению Тота решаются, наконец, обратиться за советом к Осирису, «великому изобилием, владыке пищи». Последний, узнав о несправедливостях, учиненных богами по отношению к его сыну Гору, шлет им возмущенное послание, в котором заявляет:

«Ведь это я делаю вас сильными и я творю ячмень и полбу для того, чтобы прокормить богов, так же как и скот, после богов. Не найти никакого бога, никакой богини, которые могли бы это сделать».

Ра на это отвечает:

¹ С. Е. S a n d e r-H a n s e n, Die religiösen Texte auf dem Sarg der Anchnesnefibre, Kopenhagen, 1937, строки 353—354.

² Книга мертвых (Papyrus Ani), гл. 175, строки 10 сл. («Proc. Soc. Bibl. Arch.», Dec., 1904, табл. III к статье Навилля).

³ ÄZ, 38 стр. 30 сл.

«Если бы ты даже не существовал, если бы ты даже не родился, ячмень и полба все равно были бы».

Тогда Осирис угрожает:

«Страна, в которой я нахожусь, полна свирепополиких гонцов, не боящихся никаких богов и богинь. Я дам им выйти, и они принесут сердце каждого творящего несправедливость, и те очутятся здесь со мной. В самом деле, почему я должен пребывать здесь и покоиться на западе, в то время как вы все вместе находитесь снаружи? Кто из них сильнее меня? И, однако, они измышляют ложь. Ведь когда великий Птах... создавал небо, разве он не сказал звездам, которые в нем¹: «Вы должны заходить каждую ночь на западе, там, где находится царь Осирис», и затем после богов, люди *p^c.t, h3j.t*) также должны покоиться там, где находишься ты, сказал он мне».

Когда Тот прочитал это послание Ра и Эннеаде, «они сказали: правильно, правильно все, что сказал он, великий изобилием, владыка пищи»².

Роль Осириса, промыслителя мира, иногда выражена еще более конкретно — злаки произрастают непосредственно из его тела. Наиболее ярко это выступает в следующем тексте, посвященном умершей дочери фараона 26-й династии Псамметиха II, отождествленной с Осирисом:

«О Осирис, жена бога Анхнеснефрибра, правогласная!

Привет тебе!...

Зерно (*nrg*), возникшее из тебя, лежит перед тобой и не удалится от тебя во веки-веков.

При каждом подъеме Нила радуются люди и боги.

Они радуются зерну, возникшему из тебя.

Они прыгают (от радости) из-за зерна, вышедшего из твоего тела.

Люди, скот, боги, богини, — они воздают хвалу твоему могуществу, сотворившему их...

Привет тебе!

Ты — Осирис, великий живой бог, породивший зерно, создавший всякие всходы,³ возникшие из твоего тела.

Привет тебе!

Ты — Осирис, сотворивший зерно для того, чтобы прокормить скот.

Боги живут твоей любовью вечно.

Боги живут тем, что сотворило твое тело.

Живой бог страны, любимый правдой, сын Ра, любимый им вечно...

Привет тебе!

Ты — Осирис.

Мы оплакиваем тебя, как бога страны, царя стран.

Они⁴ говорят, они оплакивают Осириса, жену бога Анхнеснефрибра. право-гласную.

Осирис покоится на своем ложе.

Все боги в молчании, все богини поникли главой⁵.

«Все люди в стране в стенаниях по величеству Осириса, жене бога Анхнеснефрибра, правогласной...»

Боги говорят плача:

Осирис, жена бога Анхнеснефрибра, правогласная,

Она направилась в некрополь.

¹ Т. е. в небе.

² Papyrus Ghester Beatty, I, recto, 14, 9—15, 10.

³ б'ж. Буквально: работа, а также произведение, продукт, результат работы.

⁴ Боги.

⁵ Буквально: «голова (на) колене» — поза сидящего, в знак траура, на короточках в опущенной головой.

Зерно возникло в ней в доме для бальзамирования, когда Тот поместил ее туда¹.

При раскопках были обнаружены применявшиеся в заупокойном культе фигуры прорастающего Осириса. Сделанную из смешанной с песком земли фигуру Осириса, распростертую на ложе (четырёхугольная рама из кедрового дерева, покрытая поверх тростниковой циновки полотном), засевали ячменем. После того как ростки достигали нескольких сантиметров, их подстригали, и зелень срезанных всходов покрывала всю фигуру Осириса.

Иногда Осирис, «отец и мать людей», которые «едят плоть его тела», совершенно отождествляется с зерном.

Параллельно с этим небо есть амбар, и когда зерно, нагруженное на ослон, увозится с гумна, то это является символом победоносного вступления восторжествовавшего над Сетом (ослом) Осириса (зерна) на небо².

На рисунках, изображающих суточное странствование солнца, небо передано женщиной, склонившейся к земле в виде свода. У рта ее надпись: «западный горизонт» ($\{ h.t' (mnt.t) \}$, у бедер: «восточный горизонт» ($\{ h.t' \} (bt.t) \}$). Возле головы богини с крылатым диском у рта читаем: «Величество этого бога входит в ее (scil. Нут) рот, в преисподнюю. Преисподняя открывается после того, как он (scil. бог солнца) проезжает в нее. Эти звезды входят за ним и они выходят за ним и они спешат к своим местам³. Другой текст нам точно указывает все этапы ночного путешествия солнца с момента проникновения ($'k$ «входит») и до момента, когда оно покидает (prj , «выходит») — обычный термин для передачи восхода солнца из восточного горизонта) свою небесную мать. Указывается маршрут солнца в каждый час ночи. Пройдя в начале путешествия по преисподней — небесной богине Нут — между рук неба, оно затем в каждый следующий час последовательно минует «губу», «зуб», «горло», «грудь» и т. д. и в 10-м часу попадает в чресла для того, чтобы, пройдя в 12-м, последнем часу ночи, между бедер богини, взойти на востоке⁴. Надпись на бедре Нут, возле которой изображено солнце в образе скарабея, поясняет: «Вот он разверзает чресла своей матери Нут, вот он удаляется к небу».

Подобный же путь проходят и звезды: «они выходят из ее (Нут) чресел и они входят в ее рот ежедневно⁵, т. е. ежедневно богиня их рождает вечером, а утром проглатывает.

Аналогичные рисунки и надписи находим в гробницах⁶ и на саркофагах Нового царства, причем иной раз солнце, как в приведенных выше текстах Осирис, и здесь

¹ Ук. текст, изд. С. Е. S a n d e r - H a n s e n, строки 276—330. Текст этот повествует о связанных с погребальными обрядами мистериях, целью которых служит воскресение умерших, наступающее в тот момент, когда из тела Осириса появляются всходы злаков.

² K. S e t h e, Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen («Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens», X.), Leipzig, 1928, стр. 134, 138. Небо — амбар; см. «Тексты пирамид», 1419a и 786a.

³ Текст кенотафа Сети I в Абыдосе (H. F r a n k f o r t, The Cenotaph of Seti I at Abydos, «The Egypt Explor. Soc.», 1933, I, стр. 73; II, табл. 81).

⁴ Там же, I, стр. 76 и II, табл. 82. По другим представлениям, солнце ночью лежит связанным, а с зарей освобождается от своих пут. См. «Тексты пирамид», 285, с—d. Так понимает это место Зэтэ.

⁵ Текст на внутренней поверхности крышки саркофага с изображением Нут на звездном фоне (K. P i e h l, Inscriptions hiéroglyphiques recueillies en Europe et en Egypte. Troisième série, I, Leipzig, 1895, табл. LX).

⁶ R. L e p s i u s, Die Wandgemälde der verschiedenen Räume..., Berlin, 1870, табл. 7 (гробница Рамсеса IV) = H. B r u g s c h, Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum, табл. после стр. 174.

выступает в столь обычной для него роли промыслителя мира. Так, на одном из саркофагов о солнце, изображенном в виде скарабея с диском и одновременно в образе младенца, рождаемого небом-женщиной, говорится:

«...вышедший из преисподней, спустившийся в утреннюю ладью..., вошедший в рот, вышедший из чресел, взошедший из врат горизонта... для того, чтобы доставлять пропитание всем людям, скоту и пресмыкающимся, которых он создал»¹.

Связь солярных воззрений с заулокойным культом ярко выступает уже в древнейшем памятнике, связанном с этим культом,—в «Текстах пирамид». Умерший отождествляется со светилом, преимущественно с солнцем, и это обеспечивает ему вечную жизнь в потустороннем мире. Он связан с небом уже с самого момента погребения, так как гроб, по египетским воззрениям, есть не что иное, как небо, являющееся в то же время его (умершего) матерью². В одной из надписей на саркофаге с изображением Нут, рождающей и проглатывающей солнечный диск, в ее уста вложена следующая фраза:

«Я твоя мать Нут, я распростерлась над тобой, в этом имени моем небо, и ты входил в мой рот, и ты выходишь из моих чресел, как (это) делал Ра каждый день»³.

Нередко подчеркивается, что умерший не имеет ничего общего с людьми и земной жизнью—у него даже нет среди людей ни отца ни матери⁴, это «Нут родила его вместе с Осирисом»⁵.

В другом месте умерший заявляет:

«Я Орион, достигший своей страны, проезжающий вместе со звездами небесными чрево (*h.t*) моей матери Нут. Она зачала меня, когда ей было угодно, она родила меня по желанию своего сердца»⁶. С ее помощью он попадает на небо и вечно странствует там, либо в свите Ра, в «барке миллионов»⁷, либо сам становясь солнцем.

II

Наряду с небом-женщиной в этой роли матери светил выступает другой очень древний образ неба—корова, рождающая золотого тельца—солнце⁸. С ней связан миф об удалении солнца от людей.

Некогда солнце царствовало на земле. Когда оно состарилось, люди задумали бунт против него. Ра, одряхлевший бог солнца с костями из серебра, телом из золота и волосами из ляпис-лазури, созывает в своем дворце совет богов, на котором решено послать для наказания мятежников око Ра—свирепую богиню Хатор. Последняя настигает бунтовщиков в пустыне и начинает их истреблять. Однако совершенно искоренить род человеческий не входило в планы Ра, и он, чтобы удержать лютую богиню, применяет хитрость. По его приказанию на месте, где происходило избиение людей, разливают ночью опьяняющий напиток, похожий по внешнему виду на кровь. Этот напиток пришелся по сердцу богине, выступившей на утро для продолжения

¹ Mariette, Monuments divers..., табл. 46.

² «Тексты пирамид», 616.

³ Ук. текст, изд. С. Е. S a n d e r - H a n s e n ' a, строки 372—373. В «Текстах пирамид», 1417 в., где речь идет о проглатывании умершего фараона небесной богиней Нут, один из вариантов употребляет вместо слова *'m* (проглатывать) слово *šsr*. (зачинать).

⁴ «Тексты пирамид», 659, 728, 809, 2002/3.

⁵ Там же, 1428 d—e, ср. 729a.

⁶ «Книга мертвых», 69, 4—5.

⁷ Ладья, в которой солнце разезжает по небу.

⁸ «Тексты пирамид», 1029. Ср. «Книгу мертвых», 17 гл., строки 34 сл. Небо—корова: «Тексты пирамид», 388—389, 289 с (ср. 508a), 1131 в.: ср. там же, 1344: рога́тая Нут.

бойни, она напилась и «вернулась обратно опьяневшая и не узнала людей». Таким образом мятеж был подавлен. Но Ра не захотел оставаться на земле с неблагодарным человечеством. Он садится на спину Нут, богини-коровы, и поднимается с ней ввысь. Корова Нут стала таким образом небом со звездами на теле и с плавающей по ней ладьей солнца. Однако она испугалась, «задрожала из-за высоты», и тогда Ра приказал своему сыну Шу: «Сын мой Шу, поместись под дочь мою Нут». С тех пор бог воздуха поддерживает Нут, касаясь ее своей головой¹.

Последние строки являются переобразованием старого мифа о разделении неба и земли. По этому мифу, впервые реконструированному Масперо², Нут лежала на своем супруге, боге земли, Гебе. Шу поднял Нут и вместе с ней богов и все, что находилось на ней, превратившееся с тех пор в звезды. По Нут стала плавать ладья солнца.

Намек на оба мифа сохранился в «Текстах пирамид», где наряду с упоминанием о том, что Шу поместился некогда под небесной богиней, содержится просьба к нему поднять на небо умершего фараона. При этом так же, как некогда боги, превратившиеся в звезды, не могут покинуть ее, так богиня не должна допустить, чтобы умерший удалился от нее³.

III

В 1935 г. A. de Buck опубликовал текст, происходящий из кенотафа Сети I в Аби-досе и содержащий в первой своей части новый вариант мифа о рождении и гибели светил в связи с мифом о разделении неба и земли⁴.

Этот небольшой текст, местами сильно фрагментированный и представляющий большие трудности для перевода, содержит целый ряд языковых данных, характерных для очень древних памятников египетской литературы и наличных также в архаичных текстах более позднего происхождения, как, например, употребление частицы *šw*, слова *nhnh*, известного еще только из «Текстов пирамид», и др. Для древних памятников характерны также и некоторые факты, связанные с внешним оформлением опубликованного текста, как, например, расщепление строки на две части, при постановке рядом параллельных частей фразы (строка 32), или стремление избегать переноса на другую строку иероглифов, относящихся к одному слову. В этом отношении, как и в отношении употребления частицы *šw*, текст напоминает один из древнейших в Египте мифологических памятников—так называемый «Мемфисский богословский трактат»⁵. С другой стороны, некоторые факты, как, например, употребление определенного артикля *r*; являющегося одной из отличительных черт новоэгипетского языка, хотя и засвидетельствованного уже в некоторых памятниках Среднего царства, написание *sn* вместо *šn* (местоим. суффикс 3 лица мн. ч.)⁶, также известное уже из некоторых текстов Среднего царства, но характерное для текстов эпохи Нового царства, или же передача выражения *m hnw* (в, внутри) посредст-

вом группы иероглифов ⁷, необычной в этом значении для древних текстов, и др., могут говорить за позднее происхождение текста. Для объяснения этого противоречия A. de Buck выдвигает две гипотезы. Можно допустить, что миф написан в древности и был переписан в эпоху Нового царства, причем в него были

¹ См. М. Э. М а т ъ е, Мифы Древнего Египта, Л., 1940, стр. 74—78.

² С. М а с п е р о, Etudes de mythologie et d'archéologie égyptiennes, I, стр. 339—340.

³ «Тексты пирамид», 784—785, 275f, 519c и др. Ср. там же 299a: умерший угрожает, что он оттолкнет «руки Шу», поддерживающие Нут, если он не займет свое место в ладье солнца.

⁴ В упоминавшемся выше издании: Н. F r a n k f o r t, The cenotaph... I, стр. 82—86; II, табл. 84—85. Текст воспроизведен на вклейке стр. 192 настоящей статьи.

⁵ См. К. S e t h e, Dramatische Texte..., стр. 2 сл.

⁶ 2-я строка.

⁷ Например, 17-я строка.

внесены некоторые изменения. Не исключена и другая возможность, представляющаяся A. de Buck'у более вероятной: миф написан в новоегипетскую эпоху, причем автор пытался подделаться под язык древних религиозных текстов.

И в том и в другом случае памятник представляет исключительный интерес как со стороны содержания, так и по форме. По форме—поскольку текст, во второй его части, является одним из крайне немногочисленных в Египте так называемых драматических текстов, представляющих собой как бы сценарии разыгрывавшихся в храмах мистерий. Об этом свидетельствуют выделенные в строке ограничительными линиями группы иероглифов, играющие роль кратких указаний для действующих лиц драмы. Со стороны содержания—поскольку в нем сохранился, наряду с другими, фрагмент неизвестного до сих пор мифа о небе-свинье, пожирающей своих детенышей—звезды. В целом основной идеей текста, находившегося возле колоссального изображения Нут с именами декан на теле, проглатывающей и вновь рождающей солнечный диск, является борьба мрака и света (смена дня и ночи, фазы луны и т. д.).

С этой основной темой увязаны вкрапленные в текст фрагменты различных мифов, частично известных нам по другим источникам, например, упоминавшийся уже выше миф о самооплодотворении божества¹, засвидетельствованный большим количеством текстов миф о поврежденном Сетом оке Гора, поставленный здесь в связь с фазами луны, и др.

Интересующий нас миф, занимающий первые строки текста и относящийся к изображению Нут, о котором шла речь выше, изложен следующим образом.

«Эти звезды едут до края неба по ее (Нут) внешней стороне ночью, когда они появляются и их видят. Они едут внутри нее днем, не появляясь и не будучи видимы.

Они входят вслед за этим богом², и они выходят вслед за ним. И вот³, они едут вслед за ним по небу (*šts.šw—šw*) и останавливаются на (своих) местах⁴ после того, как его величество заходит в западный горизонт. Они входят в ее рот в месте ее головы на западе, и вот, она пожирает их.

И вот, Геб ссорился с Нут потому, что он сердился на нее из-за пожирания детенышей.

И было названо ее имя: «свинья, пожирающая своих поросят», потому что она пожирает их.

И вот, отец ее Шу поднял ее и вознес ее к своей голове и сказал(?): «остерегайся (?) Геба. Пусть он не ссорится с ней из-за того, что она пожирает свои порождения⁵. Она родит их (снова) и они будут жить (снова), и они будут (снова) выходить в месте, в котором находится ее зад на востоке, каждый день, как она рождает...»⁶.

¹ См. «Тексты пирамид», 1248; Лейденский папирус, I, 350, V, 2; Берлинский папирус, 3049, XIII, 6 и др.

² Имеется в виду бог солнца Ра, изображенный в виде диска у рта Нут.

³ *šn*. О трактовке *šn* (строка 2-я), а также *šj* и *šw* (строка 3-я), как древнего личного местоимения, поставленного впереди глагольного предложения см. A. de Buck, ук. соч., стр. 83, прим. 5 и Н. Grapow, *ÄZ*, 71, стр. 46, прим. 2). В соответствии с такой трактовкой Гранов и переводит: «Und sie, sie fahren (строка 2-я), «Und er, Geb, zankte mit Nut» (строка 3-я), «Und sie, sie isst sie auf» (строка 3-я), и т. п.

⁴ *dmj.w*. Возможно, технический термин египетских астрономических текстов, касающийся положения звезд на ночном небе. См. A. de Buck, ук. соч., I, стр. 85, прим. 7 и Н. Brugsch, *Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum*; 176.

⁵ Темное место. Текст сильно поврежден (см. табл. 1, строку 4).

⁶ Дальше текст сильно поврежден. A. de Buck восстанавливает: «even as she gave birth [the first time?]». Не исключена возможность, что здесь стояла стереотипная фраза: «как она рождает Ра ежедневно».

Таким образом, и в данном тексте налицо метафорическое восприятие неба в виде живого существа. Обычно, как указывалось выше, это либо женщина, проглатывающая и вновь рождающая светило, либо же, при зооморфном восприятии, корова, рождающая золотого тельца—солнце. В отличие от этого в приведенном тексте мы сталкиваемся с представлением о небе-свинье. С этим образом неба-свиньи, как мы видели, связываются все те представления, которые столь характерны для целого ряда египетских космогонических мифов: представления о разделении неба и земли, восходе и заходе светил в связи с их рождением и проглатыванием матерью-небом и т. д.

Не менее характерно и приурочение данного мифа, наряду с другими, к заупокойному культу, о чем говорит, помимо прочих данных, уже самый факт нахождения текста, сопровождающего изображение Нут, в кенотафе фараона.

IV

Настоящий текст является пока единственным египетским литературным памятником, свидетельствующим о связи свиньи с описанным выше кругом идей¹, восходящих к глубокой древности. Однако роль свиньи в египетской религии этим не ограничивается. Классические писатели отмечают, что, по воззрениям египтян, свинья враждебна солнцу и луне и вместе с тем Осирису и Гору². Обычно это животное связывается с врагом Осириса и Гора—Сетом. Так, Плутарх³, сообщая, что египтяне считали свинью нечистым животным и что они приносили ее в жертву и сьедали при наступлении полнолуния, в качестве обоснования этого обычая приводит рассказ, по которому Тифон (т. е. Сет), преследуя во время полнолуния свинью, нашел деревянный гроб с телом Осириса и растерзал его на части. Геродот (II, 47) также рассказывает, что египтяне приносят свинью в жертву лишь Селене и Дионису (Осирису) во время полнолуния. О запрещении египтянам употреблять свинью в пищу говорит ряд авторов, причем один из них⁴ мотивирует этот запрет тем, что свиньи пожирают своих собственных детенышей, а также человеческие трупы. С другой стороны, ряд авторов указывает, что свинья у египтян, в частности у жителей Фив и Саиса, считалась священным животным.

Связь свиньи с Сетом подтверждается и египетским текстом, содержащим эпизод, в котором Сет выступает как враг Гора, светового божества с глазами-светилами. Этот эпизод передается следующим образом,

«Ра сказал (однажды) Гору:

Дай-ка я осматрю твой глаз после того, что произошло с ним»⁵.

Затем он осмотрел его и сказал:

«Взгляни-ка на ту черту, причем (пусть) твоя рука закрывает тот неповрежденный глаз».

Затем Гор взглянул на ту черту. Затем Гор воскликнул:

«Смотри! я вижу ее белой, белой».

Тогда Ра предлагает ему:

«Взгляни-ка другой раз на ту черную свинью».

Затем Гор взглянул на эту свинью и закричал от боли,—его глаз снова был поврежден. Оказывается, что черной свиньей обернулся враг Гора, Сет, и при взгляде на него поврежденный некогда глаз снова разболелся.

¹ Возможно, что намеком на миф о небе-свинье, пожирающей поросят-светила, является вложенная в уста Нут фраза, обращенная к Сету: «Разве существует мать, пожирающая свое дитя»? («Urkunden des ägyptischen Altertums», VI, стр. 57; ср. A. de Buck, ук. соч., I стр. 83, прим. 8).

² Элиан, X, 16.

³ «De Iside et Osiride», cap. 8.

⁴ Элиан, X, 16.

⁵ Имеется в виду повреждение глаза Гора Сетом.

Вследствие этого Ра приказал гнущаться свиньи, и «таким образом возникло отвращение к свинье, ради Гора, со стороны богов»... Однако раньше, прибавляет текст, когда Гор был еще ребенком и его глазу еще не было нанесено увечье, ему приносились в жертву и свиньи¹.

Таким образом, враждебная роль свиньи по отношению к светилам, о которой говорит новый миф, проявляется и в других египетских памятниках.

Однако иногда свинья выступает в иной роли, являясь воплощением благодетельного божества. Так, в одном тескте Исида, богиня-мать,—в древности, как полагают некоторые исследователи, богиня неба, рождающая солнце²,—названа белой свиньей, матерью Мина³, бога мужской производительной силы, плодородия и урожая. Найдены также амулеты в виде свиньи, причем некоторые из них снабжены надписями, из которых видно, что амулеты эти должны принести счастье их владельцам и стоят в связи с Исидой⁴, подобно тому как в Греции изображения свиньи были связаны с Деметрой⁵.

Наконец, в Британском музее хранится фаянсовая группа саисской эпохи, изображающая свинью, которую сосут поросята (рис. 1)⁶. Надпись на нижней поверхности основания гласит: Нут великая, мать богов⁷.

Фигурка эта поразительно похожа, как отмечает и Newberry, на другую фигурку свиньи (рис. 2)⁸, относящуюся ко времени первой династии и отделенную от группы саисской эпохи промежуточном времени приблизительно в два с половиной тысячелетия. Это сходство, проявляющееся как в позе животного, так и в трактовке отдельных частей фигуры, особенно—склоненной к земле удлинненной морды с короткими, торчком стоящими ушами и выступающим вперед пяточком⁹, может быть не случайно. Оно могло явиться следствием длительной традиции или, что не менее вероятно, есть результат столь характерного для саисской эпохи подражания древним образцам¹⁰. Если это предположение справедливо, то образ свиньи, засвидетельствован-

¹ «Книга мертвых», гл. 112 (редакция эпохи Среднего царства). Перевод см. ÄZ, 58 (1923), стр. 2—3 (K. Sethe).

² См. например, A. Erman, Die Religion der Aegypter, Berlin und Leipzig, 1934, стр. 32—33.

³ Стела Меттерниха, строка 86.

⁴ См. Th. Hopfner, Der Tierkult der alten Aegypter, Wien, 1913, стр. 63 и «Königliche Museen zu Berlin. Ausführliches Verzeichnis der ägyptischen Altertümer»..., Berlin, 1899, стр. 288. Некоторое количество глиняных фигурок свиньи, относящихся еще к додинастическому периоду, найдено в гробницах Абидоса и в некоторых других пунктах Верхнего Египта. См.: JEA (1928), стр. 211 (Newberry). Отметим также наличие слова *rrt* (свинья) в женских именах: *t' rrt*: H. Ranke, Die ägyptischen Personennamen, 364. 14 (18-я династия).

⁵ О существовавшем у греческих женщин обычая посвящать Деметре изображения свиньи см. Б. Л. Богаевский, Земледельческая религия Афин, т. I (Зап. истор.-филол. факультета Петрогр. унив.), ч. СХХХ, Пгр., 1916), стр. 175.

⁶ Британ. музей, № 11976: JEA, 14, табл. XVIII, 3.

⁷ Mackenzie (The migration of Symbols..., London, 1926, табл. IX) видит в этой фигуре олицетворение звездного неба и сопоставляет ее с одним из воплощений богини неба Нут. Шлиманом при раскопках Трои была найдена фигурка свиньи, покрытая звездным (?) орнаментом. См. ÄZ, 71, стр. 47.

⁸ Petrie, Abydos, II, табл. VI, № 66, JEA, 14, табл. XVIII, 4.

⁹ Последнее, впрочем, может быть обусловлено тем обстоятельством, что в обоих случаях изображена одна и та же порода свиньи.

¹⁰ Аналогичные группы известны нам и от еще более позднего времени. L. Keimerg (Remarques sur le porc et le sanglier dans l'Egypte ancienne, «Bull. de l'Institut d'Egypte», XIX, Session 1936—1937, Le Caire, 1937) на стр. 155, фиг. 6, при-

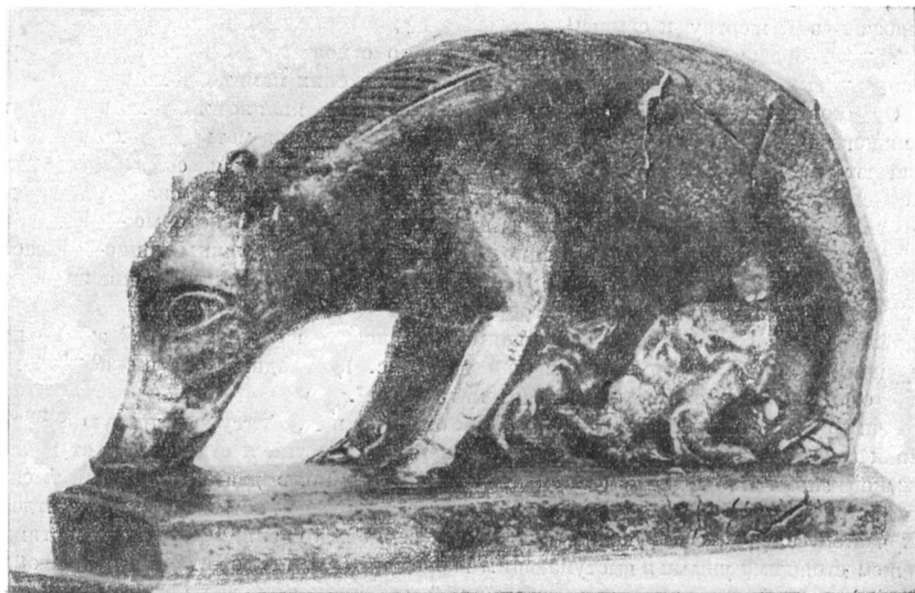

Рис. 1. Саисское время. Фаянс. Британский музей.

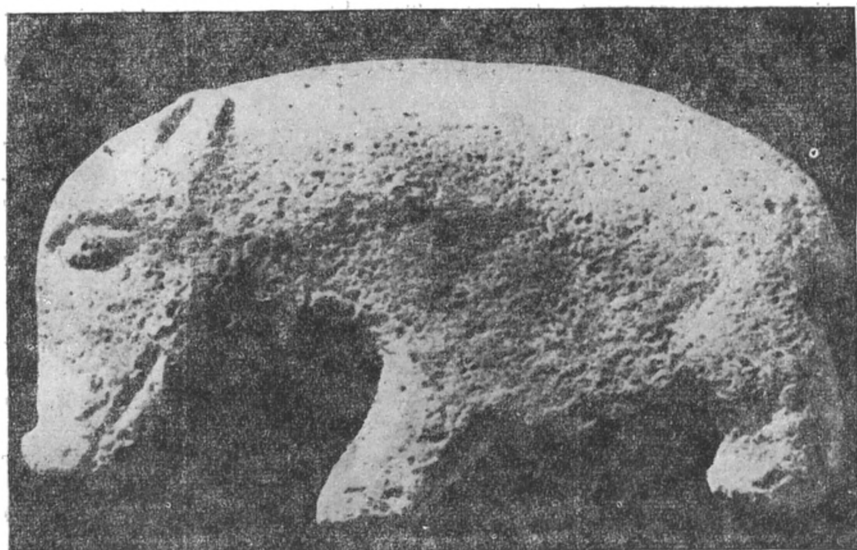

Рис. 2. Время первой династии (Petrie, Abydos, II, табл. VI, № 66).

ный новым текстом, в котором, как показывают некоторые приведенные здесь данные, можно видеть воплощение одного из аспектов благодетельной богини-матери, отодвигается в глубь тысячелетий, в древнейшие эпохи египетской истории.

Учитывая, во-первых, глубокую древность представлений, связанных с египетским мифом о небе—матери светил¹, во-вторых, наличие ряда фактов, дающих основание считать культ свиньи относящимся к отдаленным эпохам египетской истории, а также наличие фактов, говорящих о связи свиньи с представлением о богине-матери (Нут или Исида), как это имеет место и за пределами Египта,—можно предположить, что миф о небе-свинье был известен,—возможно, и в иных вариантах,—в эпохи, предшествовавшие Новому царству, и лишь случайно не сохранился в более ранних списках, как это произошло и с некоторыми другими памятниками египетской литературы, а дошел до нас лишь от эпохи 19-й династии, когда, вскоре после искоренения учения царя-еретика Эхнатона, охотно возвращались к освященной традицией древности. Если это так, то архаизмы, обнаружившиеся как в языке, так и во внешнем оформлении текста мифа, о чем шла речь выше, свидетельствуют о древности последнего, и эти архаизмы следует отнести за счет не сохранившегося или же еще не найденного оригинала, к которому в конечном счете восходит наш памятник.

И. Г. Лившиц

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Страбон (VII, 3, 9) приводит следующие слова греческого поэта Херила Самосского, творчество которого относится к последним десятилетиям V в. до н. э. «И пастухи овец саки—по происхождению скифы, но населяли они богатую пшеницей Азию и были, несомненно, выходцами из земли номадов—справедливых людей».

Эти строки Херила были заимствованы Страбоном у историка Эфора для характеристики скифских племен, к которым причислялись и саки. Слова Херила являются цитатой из несохранившегося его труда, содержавшего эпическое описание греко-персидских войн, во время которых саки входили в состав персидских вооруженных сил.

Для нас отрывок из произведения Херила интересен не только тем, что в нем упоминается один из среднеазиатских народов, но еще и потому, что в словах греческого поэта страна саков Азия (у Херила она именуется по-гречески Асидай) выступает как житница, как страна, производящая пшеницу. Эпитет *πρωτόφρον*, данный Херилем далекой стране, где жили саки, конечно, не был случаен. Очевидно, сведения, которыми располагали греки в V в. до н. э. о Средней Азии, рисовали последнюю не только как страну, заселенную кочевниками-скотоводами, но и как страну развитого земледелия². Ниже мы попытаемся представить свод тех све-

водит терракотовую группу, относящуюся к римскому времени и изображающую свинью с тремя сосущими ее поросятами.

¹ Уже самый мотив проглатывания светила небом, мотив, на котором построен текст из кенотафа Сети I, является, как мы видели выше, необходимым элементом древнего мифа о небесной богине-матери, ежедневно зачинающей и рождающей солнце.

² Интересно с этим сопоставить характеристику основных черт хозяйственного уклада жизни среднеазиатских государств, которую мы находим у наиболее ранних китайских историков, впервые располагавших сведениями о Средней Азии (ее китайцы именовали «Западным краем») после того, как в 20-х гг. II в. до н. э. китайцам удалось проникнуть туда и завязать отношения с некоторыми среднеазиатскими государствами. В хронике старшей династии Хань (202 г. до н. э.—25 г. н. э.)